

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Народонаселение и демография

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ДЕПРЕССИВНЫХ РАЙОНОВ

Владимир Николаевич ДЬЯЧЕНКО ^{a,*},
Виктория Владимировна ЛАЗАРЕВА ^b

^a кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН,
Хабаровск, Российская Федерация
dvn48@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4661-0328>
SPIN-код: 7064-7928

^b кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и государственного управления,
Амурский государственный университет (АмГУ),
Благовещенск, Российская Федерация
v_lazareva12@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9181-9393>
SPIN-код: 2971-3272

* Ответственный автор

История статьи:

Рег. № 490/2021
Получена 30.08.2021
Получена в
доработанном виде
03.11.2021
Одобрена 20.01.2022
Доступна онлайн
15.03.2022

УДК 314, 332.142
JEL: R23, R58

Ключевые слова:

демографическая
ситуация, неравенство,
депрессивные
территории, миграция
населения, занятость,
сельское хозяйство

Аннотация

Предмет. Экономическая поляризация территорий, проблемы развития сельского хозяйства на примере Амурской области.

Цели. Выявление особенностей формирования депрессивных районов в условиях кризиса и сокращения государственной поддержки развития сельского хозяйства.

Методология. В процессе исследования применены монографический, расчетно-аналитический, абстрактно-логический, статистический методы, а также метод сравнительного анализа.

Результаты. Выявлено, что миграционный отток трудоспособной части сельского населения и происходящее при этом ухудшение его демографической структуры является одним из важнейших факторов формирования депрессивных сельских муниципальных районов.

Выводы. В программы экономического и социального развития районов Амурской области необходимо включить специальные разделы, посвященные преобразованиям в депрессивных районах.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Демографические процессы и хозяйственная активность населения в формировании депрессивных районов // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 579 – 600.
<https://doi.org/10.24891/re.20.3.579>

Введение

Ускоренное развитие Дальнего Востока, модернизация экономики региона входят в число главных приоритетов проводимой социально-экономической политики. В решении поставленных задач важнейшая роль отводится стимулированию предпринимательской активности, на что направлены внедрение новых институтов развития и реализация спектра стимулирующих мер. Однако, как показал анализ складывающейся в регионе ситуации, проведенный П.А. Минакиром и С.Н. Найден, новая экономическая политика во многих отношениях, включая макроэкономическую и демографическую динамику, не дает каких-либо значимых изменений [1].

Развитие в пределах точек роста оставляет основную часть муниципальных районов в зоне, где происходит отток населения и сохраняются возможности для формирования и развития депрессивных состояний. Это напрямую относится к аграрному сектору экономики и сельским территориям. Основным драйвером развития сельских территорий является человеческий капитал. Предпринимательская и хозяйственная активность сельского населения играет ключевую роль в развитии сельского хозяйства – базовой отрасли большинства аграрных муниципальных районов, определяющей уровень их развития и благополучие сельских жителей.

В современных условиях наличие неравенства, неравномерности в развитии является характерной чертой социально-экономических систем. В значительной мере неравномерность присуща сельским аграрным муниципальным образованиям. Среди причин неоднородности – дифференциация природно-климатических условий развития сельского хозяйства и жизнедеятельности в целом, особенности экономико-географического положения, удаленность от развитых поселенческих центров и транспортных коммуникаций.

Амурская область в целом расположена в зоне рискованного земледелия. Однако природно-климатические условия для развития сельского хозяйства в южной ее части являются благоприятными, ухудшаясь по мере приближения к северу региона, приравненному по условиям к районам Крайнего Севера.

Развитие кризисных процессов, связанных с начальным периодом реформ, способствовало усилению пространственных контрастов. Наряду с районами, в которых сельскохозяйственные предприятия смогли

адаптироваться к рыночным условиям, сформировался противоположный полюс из районов-аутсайдеров, в которых происходила деградация хозяйственной деятельности. Масштабное сокращение производства и банкротство предприятий вызывали массовую безработицу, сельское население лишалось средств к существованию, происходила депопуляция сельских территорий. Сложившаяся поляризация усиливается за счет формирования ареалов эффективного узкоспециализированного сельского хозяйства в районах с наиболее благоприятными условиями.

Депрессивные территории становятся особым сегментом в территориальном пространстве, в котором концентрируются взаимосвязанные деструктивные процессы. Отставание депрессивных муниципальных образований становится все более существенным дестабилизирующим фактором, сдерживающим общее развитие, препятствующим сокращению бедности, повышению благосостояния населения.

Возможности подъема экономики в депрессивных районах существенно более ограничены, что обусловлено не столько более слабой материально-технической базой сельскохозяйственного производства и худшими условиями, но и, прежде всего, деградацией человеческого капитала, происходящей в результате оттока активной трудоспособной части населения. Определение перспектив развития депрессивных административно-территориальных образований разного уровня предполагает необходимость учета их специфики при выборе стратегических задач и мер государственного регулирования, опирающихся на мониторинг происходящих трансформаций в социально-экономической и демографической сферах.

Теория и методология исследования

Как отмечает Н.В. Зубаревич, универсальной проблемой, характерной для российских регионов, является дефрагментированность экономического пространства [2]. Развитие кризисных процессов способствовало усилению пространственных контрастов, проявлением которых стал процесс поляризации, характеризующийся усилением негативных тенденций в региональном социально-экономическом развитии, формированием депрессивных территориальных образований. Исследователь г. Андерсон характеризует процесс поляризации как тенденцию развиваться в противоположных направлениях в пространстве и во времени [3].

Согласно теории одиночной поляризации, все изменяется в одном направлении и либо превращается в полюс роста, либо стремится к

окончанию деятельности. Другим научным направлением стала теория мультиполяризации, включающая центрально-периферическую и кластерную теории, а также теорию развития сетей [4].

Усиление поляризации экономического пространства России стало предметом широкого круга исследований. Так, в работах Р.М. Нижегородцева рассмотрены решения правительства, углубляющие поляризацию экономического пространства [5]. В исследовании Р.Ф. Гатауллиной и С.Ш. Аслаевой представлены особенности процессов нивелирования и поляризации в развитии экономического пространства [6].

Значительный интерес для настоящего исследования представляют работы Т.Г. Нефедовой о влиянии поляризации пространства России на развитие сельской местности [7]. Факторы региональной поляризации развития сельского пространства представлены в работе З.И. Калугиной, О.П. Фадеевой и С.В. Братющенко [8].

Поляризация проявляется на всех административно-территориальных уровнях и выражается в неравномерности развития федеральных округов, экономических зон, субъектов Российской Федерации, входящих в них муниципальных образований. В значительной мере она присуща и аграрным муниципальным образованиям [9]. Важнейшим негативным следствием неравномерности развития является формирование депрессивных территорий, образующих в экономическом пространстве России особый сегмент территорий, где развиваются взаимосвязанные деструктивные социально-экономические процессы. Главная роль в них, как справедливо отмечают Г.Г. Фетисов и В.П. Орешин, принадлежит устойчивому спаду производства в основной отрасли специализации, приводящему к значительному отставанию от других территорий по главным социально-экономическим показателям¹.

По данному Б. Штульбергом определению, которое мы разделяем, депрессивность региональной экономики может характеризоваться как устойчивое (связанное с действием макроэкономических факторов и отсутствием или недостаточностью стимулов к саморазвитию) кризисное состояние определенной территории, проявляющееся сравнительно большой глубиной и интенсивностью деструктивных экономических и социальных процессов, что обусловлено стагнацией традиционно ведущих отраслей хозяйства, доминирующим воздействием резкого нарушения воспроизводственных процессов².

¹ Фетисов Г.Г., Орешин В.П. Региональная экономика и управление. М.: ИНФРА-М, 2006. 416 с.

К числу наиболее значимых негативных проявлений депрессивности Т.В. Морозова и Г.Б. Козырева относят сокращение мест приложения труда, приводящее к массовой безработице, деградацию системы поселений, производственной и социальной инфраструктуры, ухудшение условий жизни, снижение уровня доходов, миграционный отток наиболее активной части трудоспособного населения, деформацию социально-демографической структуры³. Важнейшей чертой депрессивных территорий, по мнению В.Н. Лексина и А.Н. Швецова, является снижение потенциала саморазвития [10].

Потеря возможности самостоятельного выхода из кризисного состояния связывается прежде всего с процессами депопуляции, деградации человеческого капитала, происходящими в результате миграционного оттока, о чем свидетельствуют исследования В.Я. Фокина, А.И. Алексеева, К.А. Чернышева [11–13].

Настоящее исследование основано на данных официального статистического учета. В специально созданной базе данных осуществлена паспортизация муниципальных образований региона. «Муниципальная информационно-статистическая система (МИСС)» включает в себя постоянно обновляемые данные по широкому спектру показателей, характеризующих социально-экономическую ситуацию в разрезе муниципальных образований.

Вторая база данных включает данные по населенным пунктам по итогам переписей с 1970 г. и данные текущего статистического учета. На их основе сформированы типологии, в рамках которых учитываются особенности природно-климатических условий, удаленность от развитых поселенческих центров, состояние экономики, численность, состав и движение населения.

Применены монографический, расчетно-аналитический, абстрактно-логический, статистический методы, а также метод сравнительного анализа. Для оценки особенностей происходящих процессов выделен временной период с начала реформ до 2010 г.

² Штутьберг Б.М. Материалы к парламентским слушаниям «О депрессивных территориях в Российской Федерации. Пути выхода из кризиса». URL: <https://lib.sale/pravo-rossii-konstitutsionnoe/materialyi-parlamentskim-slushaniyam-71774.html>

³ Морозова Т.В., Козырева Г.Б. Институциональные модели социально-экономического развития депрессивных северных приграничных территорий: методика исследования. В кн.: Вопросы экономической географии и статистики пространственного развития. Материалы научно-практической конференции с международным участием. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 2014. С. 100–105.

Развитие кризисных процессов в Амурской области в начальный период реформ

В России в начальный период реформ происходили существенные изменения в землепользовании, в секторальной структуре валовой продукции сельского хозяйства, в занятости. В аграрном секторе экономики в результате его реформирования сложилась многоукладная структура, представленная тремя основными группами производителей: сельскохозяйственными организациями, крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и хозяйствами населения. Следствием кризисных процессов в отрасли стало масштабное сокращение производства. В 2001 г. по отношению к 1990 г. объем сельскохозяйственной продукции во всех категориях хозяйств сократился в 1,8 раза⁴.

В Амурской области поиск путей выхода из кризисной ситуации, обеспечения рентабельности производства отразился на числе сельскохозяйственных предприятий. На начало 2004 г. вместо 225 колхозов и совхозов, функционировавших на 1 января 1990 г., было зарегистрировано 418 сельскохозяйственных предприятий. При этом реорганизация сопровождалась сокращением численности работников, которая в 2003 г. составила 20,7 тыс. чел., что на 29,9 тыс. чел. (в 2,4 раза) меньше, чем в 1990 г. Деградация сельского хозяйства сопровождалась снижением в отрасли номинальной заработной платы. Если в 1990 г. она превышала среднюю по области на 9,2%, то в 2003 г. стала меньше в 2,8 раза⁵.

В процессе преобразований специализация хозяйств на производстве сои и зерновых культур существенно возросла, а на производстве картофеля, овощей и кормовых культур – снизилась. Размеры посевных площадей в 2003 г. сократились по сравнению с 1990 г. в 3,4 раза, в том числе под зерновыми культурами – в 3,9 раза, под картофелем – в 9,6 раза, под овощами – в 6,5 раза. Параллельно возрастала предпринимательская и хозяйственная активность сельского населения, обеспечивавшая рост посевных площадей в хозяйствах населения и в крестьянско-фермерских хозяйствах в 9,4 раза, причем под картофелем – в 1,9 раза, под овощами – в 2,9 раза.

Сохраняющаяся убыточность животноводства отразилась на снижении поголовья скота и птицы во всех категориях хозяйств. В сельскохозяйственных предприятиях таких районов, как Ромненский,

⁴ Вклад сельскохозяйственных организаций в сельское хозяйство Амурской области. Благовещенск: Амурстат, 2013. 20 с.

⁵ Трудовые ресурсы в сельском хозяйстве Амурской области. Благовещенск: Амурстат, 2005. 68 с.

Михайловский, Свободненский и Мазановский, поголовье крупного рогатого скота снизилось в 29–86 раз. К 2004 г. ликвидированы свиноводческие фермы на сельскохозяйственных предприятиях Архаринского, Завитинского, Зейского, Мазановского, Михайловского, Октябрьского, Ромненского, Серышевского и Тындинского районов.

Данные статистического учета свидетельствуют, что на конец 2010 г. используемые сельскохозяйственные угодья составили в области немногим более трети (34,4%) от уровня 1990 г. (табл. 1). Снижение объемов производства в сельскохозяйственных организациях по сравнению с серединой 1990-х гг. во многом обусловлено сокращением производства продукции животноводства. В 2012 г. по отношению к 1995 г. объем производства продукции животноводства в сельскохозяйственных организациях сократился в 3,1 раза (табл. 2).

Поголовье крупного рогатого скота в 2010 г. составило 6,2% от уровня 1990 г., поголовье свиней – 5,9%. Намечившийся в дальнейшем рост носил, по существу, символический характер по сравнению с масштабами падения. Значительные изменения произошли в специализации животноводческих хозяйств. Так, выращиванием крупного рогатого скота в 2010 г. занимались 8 хозяйств (3%), в 1990 г. – 99 (44%); разведением свиней в 2010 г. – 3 сельскохозяйственные организации (1,1%), в 1990 г. – 16 (7,1%)⁶.

В 2012 г. по отношению к 1990 г. доля сельскохозяйственных организаций в производстве овощных культур снизилась на 56,3 п.п., в производстве молока – на 50,1 п.п., в производстве скота и птицы на убой – на 25 п.п. Доля продукции животноводства в общем объеме продукции сельскохозяйственных организаций сократилась с 56% в 1990 г. до 28,1% в 2012 г.

Изменение поголовья скота и птицы в сельскохозяйственных организациях в 2012 г. по отношению к 1990 г. характеризовалось снижением поголовья крупного рогатого скота в 8,5 раза, в том числе коров – в 9,2 раза, свиней – в 5,3 раза, птицы – в 1,9 раза.

В 1990-е гг. численность населения области сокращалась быстрыми темпами. За десять лет число жителей области уменьшилось на 131,3 тыс. чел., или на 12,5%. Численность сельских жителей при этом снизилась на 23,8 тыс. чел. (7,2%).

⁶ Сельское хозяйство Амурской области. Благовещенск: Амурстат, 2012. 155 с.

Основным каналом убыли населения Амурской области выступала миграция. Общая миграционная убыль составила 131,5 тыс. чел. В сельской местности миграционная убыль составила 74,9 тыс. чел., или 57% общей миграционной убыли населения⁷.

В селе серьезные изменения произошли не только в численности населения, но и в демографическом составе и размещении населения, режиме его воспроизводства. В Амурской области важнейшими составляющими демографических процессов на селе стали увеличение доли лиц пожилого возраста, снижение рождаемости, рост смертности, миграционная убыль (табл. 3).

Численность сельского населения изменялась неодинаково в различных природно-климатических зонах. Наибольшее сокращение произошло в северной и горно-таежной зонах (соответственно на 25,2% и 18,5%). В центральной зоне снижение составило 11,4%, в южной зоне численность населения выросла на 2,5%.

Уменьшение численности населения хотя и являлось доминирующей тенденцией, однако затронуло не все поселения. Рост числа жителей за межпереписной период (1989–2002 гг.) был отмечен в 84 поселениях, убыль – в 513. В четырех поселениях численность населения не изменилась.

За рассматриваемый период рост численности населения отмечался в основном в поселениях южной и центральной зон (75 поселений из 84). В этом отношении выделяются Благовещенский и Тамбовский районы (соответственно 16 и 15 сел, в которых население выросло на 1,3–47,5%).

В южной и центральной зонах сокращение населения более 50% наблюдалось в основном в мелких поселках сельскохозяйственного профиля – в бывших отделениях совхозов с людностью от 7 до 563 чел. Для них чаще всего характерна моноотраслевая структура хозяйствования. В них размещаются либо отделения сельскохозяйственных предприятий, либо мелкие подразделения транспортных предприятий, что предполагает отсутствие альтернатив в аспектах занятости и получения доходов, жесткую зависимость населения от состояния этих хозяйственных структур. Особенно это относится к мелким и мельчайшим поселениям. В населенных пунктах с численностью населения до 500 чел. в 2002 г.

⁷ Демографический ежегодник Амурской области: статистический сборник. Благовещенск: Амурстат, 2019. 177 с.

проживало 9% населения региона. В общих потерях численности населения их доля составила 20%.

В целом есть все основания утверждать, что уменьшение численности населения, существенные изменения в поселенческой структуре имеют экономическую природу и связаны как с негативными, так и позитивными процессами в хозяйственной деятельности, определяющими потребность в рабочей силе.

Поляризация в аграрных муниципальных районах Амурской области

Наряду с районами, в которых сельскохозяйственные предприятия смогли успешно адаптироваться к рыночным условиям, сформировался противоположный полюс районов-аутсайдеров, в которых происходила деградация хозяйственной деятельности. Отмечено масштабное сокращение производства и банкротство предприятий, что вызвало массовую безработицу, потерю населением средств к существованию, депопуляцию сельских территорий [14, 15].

Представляется важным сформировать, с использованием статистических данных, как можно более детальную картину развития кризисных процессов в сельской местности. Для этого мы сравним процессы, проходившие в наиболее успешно развивающихся районах, представляющих один полюс, и в районах, где черты депрессивности выражены в наибольшей мере. При отборе мы сконцентрировали свое внимание на тех районах, где сельское хозяйство занимает доминирующее положение в экономике и где процессы, происходящие в других отраслях, в наименьшей мере способны оказать воздействие на социально-экономическую ситуацию.

Анализ всего спектра различий и причин, определяющих их, выходит за рамки данного исследования. Для реализации поставленных целей были выбраны муниципальные районы с аграрной специализацией. С использованием ранее сформированных типологий муниципальных районов по условиям жизни и развития хозяйственной деятельности для анализа особенностей предпринимательской и хозяйственной активности были отобраны в качестве районов – лидеров по демографическим и сельскохозяйственным параметрам Тамбовский и Ивановский районы, а депрессивные территории в сформированной выборке представлены Ромненским и Завитинским районами⁸ (табл. 4).

⁸ Дьяченко В.Н. Пространственная дифференциация условий жизни как фактор привлекательности российско-китайского приграничья // Управление экономическими системами:

В ходе развития кризисных процессов во всех муниципальных районах области происходило сокращение посевных площадей в сельскохозяйственных организациях. В 2000 г. в целом по области посевные площади всех сельскохозяйственных культур в сельскохозяйственных организациях составили 32,6% от уровня 1990 г. При этом в ряде районов сокращение было существенно менее значительным. Выше средних были показатели в шести районах. Прежде всего большая устойчивость была характерна для муниципальных образований юга области: потери пахотных земель составили в Тамбовском районе 74,2%, в Константиновском – 59,4%, в Ивановском – 49,2%. Использование ранее имевшихся посевных площадей полностью прекратилось в четырех северных районах области. Наиболее резкое сокращение произошло в Ромненском (15,2%), Михайловском (14,2%) и Завитинском (25,8%) районах.

Из приведенных данных видно, что негативное влияние кризисных процессов в экономике среди районов с аграрной специализацией в наименьшей мере проявилось в Тамбовском районе, имевшем и в советский период наилучшие показатели экономического и социального развития. По уровню устойчивости район занимает лидирующие позиции в регионе. Противоположный полюс представлен Ромненским районом, где кризисные процессы в сельском хозяйстве были наиболее значительными, что во многом определило высокий уровень безработицы и масштабный миграционный отток населения из периферийных сел.

Остановимся подробнее на ситуации, складывающейся в Ромненском районе, где проявления депрессивности были наиболее выражены. Попытки сельскохозяйственных организаций обеспечить рентабельность производства связывались с концентрацией усилий на выращивании сои. В 1995 г. посевные площади под сою составили в Ромненском районе к уровню 1990 г. 64,9%, что было лишь немногим меньше, чем в среднем по области – 68,9%.

Однако проблемы с посевным материалом, со снабжением горюче-смазочными материалами, состоянием техники сказались на экономических показателях: посевные площади под сою сократились до 22,2% к уровню 1990 г., тогда как по области в целом этот показатель составил 46,6%. Для сравнения отметим, что в Тамбовском районе посевы сои в 2000 г. составили 94,3% от уровня 1998 г. К 2000 г. сельскохозяйственные организации практически полностью отказались от производства картофеля

и овощей, под которые было использовано к уровню 1990 г. соответственно 2,1% и 8% посевных площадей.

В этот период была утрачена возможность обеспечить занятость в растениеводстве; аналогичные процессы происходили в животноводстве. Закрывание ферм в периферийных населенных пунктах привело к массовой безработице. Численность официально зарегистрированных безработных в районе выросла с 5 чел. в 1990 г. до 709 чел. в 1995 г.

Деградация и прекращение производства в сельскохозяйственных организациях стимулировали попытки продолжить сельскохозяйственное производство путем создания крестьянских (фермерских) хозяйств. Если в среднем по области посевные площади всех сельскохозяйственных культур в крестьянских (фермерских) хозяйствах увеличились с 1991 по 2000 г. в 13 раз, то в Ромненском районе – в 65,3 раза.

Анализ активности крестьянских (фермерских) хозяйств показывает, что далеко не все освобождающиеся ниши по производству сельскохозяйственной продукции стали привлекательными для малого предпринимательства. Фактически структура производства свелась к выращиванию сои и зерновых культур. Условия, созданные для развития других подотраслей, оказались явно недостаточными для осуществления предпринимательской деятельности в рамках крестьянских (фермерских) хозяйств и повышения экономической активности сельского населения.

Оказавшись без поддержки сельскохозяйственных организаций, испытывая затруднения с кормами, хозяйства населения существенно сократили производство скота и птицы. Причем, если в Тамбовском районе, где сельскохозяйственные организации оказались в лучшем положении, хозяйства населения смогли сохранить производство скота и птицы в 2000 г. на уровне 97,9%, то в Ромненском районе – только на 62,1%.

Что касается выращивания картофеля, менее зависимого от помощи со стороны, то сельское население отреагировало на потерю возможности получения доходов от занятости в сельскохозяйственных организациях увеличением его производства в личных подсобных хозяйствах. В 2000 г. в хозяйствах населения объем сбора картофеля составил 143,8% к уровню 1991 г. Еще большая активность была проявлена населением района в выращивании овощей, производство которых в 2000 г. превысило уровень 1992 г. в 5,9 раза.

Отсутствие возможности трудоустройства в местах проживания привело к развитию отходничества и оттоку сельского населения. Для развития занятости за пределами мест проживания создавались широкие возможности, что являлось сдерживающим фактором миграции, смены места жительства в поисках работы. Наиболее широкое распространение получила неформальная занятость [16].

Подъем предпринимательской активности был во многом обусловлен развитием приграничных связей между Благовещенском и Хэйхэ (КНР). Туристический обмен создал условия для развития приграничной торговли, которая первоначально развивалась в виде бартерного обмена между жителями сопредельных территорий [17]. Дополнительные возможности для развития неформальной занятости создавало формирование нового сектора экономики, связанного с доставкой и продажей в регионе поддержанных японских автомобилей, а также с организацией их обслуживания.

Строительство в регионе крупных хозяйственных объектов при использовании в широких масштабах вахтового метода ведения работ было привлекательно для жителей аграрных районов, так как занятость на стройке не исключала возможности активного участия в ведении личного подсобного хозяйства.

Если попытки найти занятие, приносящее доход без изменения места жительства, можно рассматривать как фактор, сдерживающий развитие депрессии в районе, то миграционный отток относится к числу наиболее значимых проявлений депрессивности, является важным фактором ее формирования, приводя к депопуляции территории, стимулируя процессы деградации человеческого потенциала и системы поселений. Предпосылки для сокращения численности населения района были заложены еще в период между переписями населения 1979 г. и 1989 г., когда население сократилось на 4,1%. В начальный период реформ процесс депопуляции района существенно ускорился и в период между переписями 1989 г. и 2002 г. потери в численности населения составили 25,2%.

В период между переписями 2002 г. и 2010 г. потери в численности населения несколько снизились, составив при этом 20,5%. С 1989 по 2010 г. общие демографические потери района составили 40,4%, и определяющую роль в этом процессе играл миграционный отток. Формируясь в основном за счет трудоспособной части населения, миграция оказывала отрицательное влияние на демографическую структуру, в которой заметно увеличивалась доля населения старших возрастных групп. Если в целом по

области доля мужчин 60 лет и старше и женщин 55 лет и старше составляла на 1 января 2010 г. 51,1%, то в Ромненском районе – 20,3%.

Важным фактором, стимулирующим миграцию населения района, стал процесс деградации системы расселения, которая привела к увеличению мелкоселенности. В этом аспекте ситуация в Ромненском районе не имела существенных отличий. Сокращение численности населения в мелких поселениях происходило значительно интенсивней, чем в более крупных: в селах, где население составляло менее 100 чел. В 1989 г., к 2010 г. сохранилось только 26,8% жителей, тогда как уже в поселениях с численностью населения 100–150 чел. – 48,2%, в группе населенных пунктов с численностью населения свыше 450 чел. – 57% [15].

Заключение

Исследование показало, что разрушительные процессы в сельском хозяйстве регионов Дальнего Востока приводили к деградации таких направлений, как животноводство, производство плодоовощной продукции. Происходила концентрация производства на выращивании сои и зерновых культур, способствуя росту безработицы, охватившей в первую очередь мелкие периферийные села, формированию депрессивных муниципальных образований, уменьшению числа источников доходов, распространению бедности, деградации сельской инфраструктуры и массовому оттоку населения, сокращению регионального человеческого потенциала.

Дифференциация в развитии муниципальных образований региона обусловлена различиями в природно-климатических условиях развития сельского хозяйства и в степени адаптации к рыночным условиям. Обеспечение государственной поддержки малых сел требует формирования специальных программ по обеспечению занятости за счет использования потенциала кооперации и сельскохозяйственных организаций, стимулирования развития производства животноводческой и плодоовощной продукции.

Таблица 1**Распределение сельскохозяйственных угодий на конец года (1990–2012 гг.), тыс. га****Table 1****Distribution of agricultural land, at year-end for 1990 through 2012, thousand hectare**

Год	Земли, используемые в сельскохозяйственном производстве, общая величина	Земли сельскохозяйственных организаций
1990	2 546,6	2 512,5
2000	1 869,3	1 108,6
2010	1 948,9	864,5
2011	2 104,1	947,3
2012	2 153,9	982,2

Продолжение

Год	Земли крестьянско-фермерских хозяйств	Земли, находящиеся в личном пользовании граждан
1990	0,2	33,9
2000	252,3	297,4
2010	253,9	663,4
2011	285	704,7
2012	392,9	611,7

Источник: авторская разработка по данным: Вклад сельскохозяйственных организаций в сельское хозяйство Амурской области. Благовещенск: Амурстат, 2013. 20 с.

Source: Authoring, based on: *Vklad sel'skokhozyaistvennykh organizatsii v sel'skoe khozyaistvo Amurskoi oblasti* [Contribution of agricultural organizations to agriculture of the Amur Oblast]. Blagoveshchensk, Amurstat Publ., 2013, 20 p.

Таблица 2**Поголовье скота и птицы в сельскохозяйственных организациях на конец года (1990–2012 гг.), тыс. голов****Table 2****Livestock and poultry in agricultural organizations, at year-end for 1990 through 2012, thousand animal and bird unit**

Объект учета	1990	2000	2005	2010	2011	2012
Крупный рогатый скот, общая величина	368,6	47,7	26	22,9	27,5	31,5
Коровы	122,1	18,9	10,4	9,7	10,5	11,2
Свиньи	315,4	9,5	12,6	18,5	19	16,7
Овцы и козы	0,5	0,3	0,2	0,4	0,7	1
Птица	3 828,2	1 036	1 382,6	2 132,7	2 128,5	1 989,6

Источник: авторская разработка по данным: Вклад сельскохозяйственных организаций в сельское хозяйство Амурской области. Благовещенск: Амурстат, 2013. 20 с.

Source: Authoring, based on: *Vklad sel'skokhozyaistvennykh organizatsii v sel'skoe khozyaistvo Amurskoi oblasti* [Contribution of agricultural organizations to agriculture of the Amur Oblast]. Blagoveshchensk, Amurstat Publ., 2013, 20 p.

Таблица 3

Изменение численности городского и сельского населения Амурской области на 1 января (1991–2005 гг.), тыс. чел.

Table 3

Changes in the urban and rural population of the Amur Oblast, as of January 1, for 1991 through 2005, thousand people

Параметр	1991	1995	2001	2002	2003	2004	2005
Общая численность населения	1 054,3	995	923	911,3	901	894,5	887,6
Городское население	722,5	668,9	615	600,8	594	590,2	585,8
Сельское население	331,8	326,1	308	310,5	307	304,3	301,8

Источник: авторская разработка по данным: Демографическое развитие села Амурской области. Благовещенск: Амурстат, 2005. 53 с.

Source: Authoring, based on: *Demograficheskoe razvitie sela Amurskoi oblasti* [Demographic development of the Amur Oblast rural areas]. Blagoveshchensk, Amurstat Publ., 2005, 53 p.

Таблица 4

Изменение основных социально-экономических показателей сельских муниципальных образований с аграрной специализацией экономики (2000 г. по сравнению с 1990 г.), %

Table 4

Changes in the main socio-economic indicators of rural municipalities with agricultural specialization of the economy in 2000, as compared to 1990, percent

Показатели	Амурская область в целом	Муниципальные образования	
		Тамбовское	Ивановское
Численность наличного населения (на конец года)	92,9	97,7	97,3
Интенсивность чистой миграции (сальдо миграции) в расчете на 1 000 чел. среднегодового населения	–4,5	–0,6	–3,5
Численность занятого населения	85,3	93	61
Посевные площади всех сельскохозяйственных культур	32,6	74,2	49,2
Посевные площади картофеля	11,7	23,3	21,6
Посевные площади овощей	26,1	56,3	88,1
Поголовье крупного рогатого скота	12,9	34,5	6,1
Поголовье свиней	3	16,2	3,2
Производство молока	11,3	34,6	6,2
Производство скота и птицы на убой (в живом весе)	7,3	17,2	4,4

Продолжение

Показатели	Амурская область в целом	Муниципальные образования	
		Завитинское	Ромненское
Численность наличного населения (на конец года)	92,9	86,5	84,3
Интенсивность чистой миграции (сальдо миграции) в расчете на 1 000 чел. среднегодового населения	-4,5	-12,3	-16,1
Численность занятого населения	85,3	60,4	53,8
Посевные площади всех сельскохозяйственных культур	32,6	25,8	15,2
Посевные площади картофеля	11,7	1,9	2,1
Посевные площади овощей	26,1	25,7	8
Поголовье крупного рогатого скота	12,9	12,4	5,7
Поголовье свиней	3	0,3	–
Производство молока	11,3	14,4	4,6
Производство скота и птицы на убой (в живом весе)	7,3	9,3	4,5

Источник: авторская разработка по данным: Трудовые ресурсы в сельском хозяйстве Амурской области. Благовещенск: Амурстат, 2005. 68 с.; Сельское хозяйство Амурской области. Благовещенск: Амурстат, 2012. 155 с.

Source: Authoring, based on: *Trudovye resursy v sel'skom khozyaistve Amurskoi oblasti* [Labor resources in agriculture of the Amur Oblast]. Blagoveshchensk, Amurstat Publ., 2005, 68 p.; *Sel'skoe khozyaistvo Amurskoi oblasti* [Agriculture of the Amur Oblast]. Blagoveshchensk, Amurstat Publ., 2012, 155 p.

Список литературы

1. Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики: монография / отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найдено. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2021. 208 с.
URL: <http://ecrin.ru/publications/books-2021/1553>
2. *Зубаревич Н.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация: монография. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
URL: https://gtmarket.ru/files/article/5279/Regions_of_Russia_2010_Natalia_Zubarevich.pdf
3. *Anderson G.* Toward an Empirical Analysis of Polarization. *Journal of Econometrics*, 2004, vol. 122, iss. 1, pp. 1–26.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2003.10.017>

4. *Аслаева С.Ш.* Поляризация однородных групп территориальных образований // *Управление*. 2020. Т. 8. № 4. С. 5–14.
URL: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-5-14>
5. *Нижегородцев Р.М.* Поляризация экономического пространства России и парадигма устойчивого неравновесия макросистем // *Инновационное развитие экономики*. 2019. № 5-2. С. 7–13.
URL: http://www.ineconomic.ru/sites//field_print_version/ineconomic-5-53-2.pdf
6. *Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш.* Нивелирование и поляризация в развитии экономического пространства // *Фундаментальные исследования*. 2017. № 9. Ч. 1. С. 164–168.
URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41722>
7. *Нефедова Т.Г.* Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // *Крестьяноведение*. 2021. Т. 6. № 1. С. 126–153.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polyarizatsiya-sotsialno-ekonomicheskogo-prostranstva-i-perspektivy-selskoy-mestnosti-v-staroosvoennyh-regionah-tsentra-rossii>
8. *Калугина З.И., Фадеева О.П., Братющенко С.В.* Социально-экономическая поляризация сельского пространства России // *Регион: экономика и социология*. 2015. № 3. С. 123–145.
URL: <https://doi.org/10.15372/REG20150905>
9. *Дьяченко В.Н., Бурлаев Е.А., Лазарева В.В.* Развитие территориальной асимметрии в формировании населения муниципальных образований Амурской области // *Экономика и предпринимательство*. 2017. № 9. Ч. 2. С. 371–377.
10. *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Либроком, 2012. 368 с.
11. *Фокин В.Я.* Влияние ликвидации селообразующих предприятий на депопуляцию населения сельского района // *Дискуссия*. 2017. № 1. С. 75–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-likvidatsii-seloobrazuyuschih-predpriyatij-na-depopulyatsiyu-naseleniya-selskogo-rayona/viewer>

12. *Алексеев А.И.* Человек и природа в развитии сельской местности Нечерноземья // Региональные исследования. 2014. № 4. С. 81–87.
URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/analit01.php>
13. *Чернышев К.А.* Идентификация депрессивных регионов в современной России // Регионоведение. 2014. № 4. С. 5–13.
URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1316>
14. *Лазарева В.В., Власова Н.Ю., Дьяченко В.Н.* Неравномерность развития муниципальных образований Дальневосточного приграничья // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20. № 1. С. 61–77. URL: <https://doi.org/10.29141/2073-1019-2019-20-1-5>
15. *Дьяченко В.Н.* Трансформации аграрных поселений в Дальневосточном регионе // АПК: экономика, управление. 2019. № 5. С. 74–79.
URL: <https://doi.org/10.33305/195-74>
16. *Дьяченко В.Н., Лазарева В.В., Панова Е.А.* Развитие неформальной занятости в регионе: факторы и проблемы (на материалах Амурской области) // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 2. С. 233–248.
URL: <https://doi.org/10.18334/et.8.2.111617>
17. *Дьяченко В.Н.* Неформальная занятость в трансформациях человеческого капитала в приграничье с Китаем // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 4. С. 1073–1088. URL: <https://doi.org/10.18334/et.5.4.39470>

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Population and Demography

DEMOGRAPHIC PROCESSES AND THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE POPULATION IN THE FORMATION OF DEPRESSED AREAS

Vladimir N. D'YACHENKO ^{a,*},
Viktoriya V. LAZAREVA ^b

^a Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Khabarovsk, Khabarovsk Krai, Russian Federation

dvn48@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4661-0328>

^b Amur State University (AmSU),
Blagoveshchensk, Amur Oblast, Russian Federation

v_lazareva12@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9181-9393>

* Corresponding author

Article history:

Article No. 490/2021

Received 30 Aug 2021

Received in revised

form 3 November 2021

Accepted 20 Jan 2022

Available online

15 March 2022

JEL classification:

R23, R58

Keywords: inequality,
demographic situation,
depressed region,
population movement,
employment,
agriculture

Abstract

Subject. This article deals with the issues of economic polarization of areas and problems of agricultural development, considering the Amur Oblast as a case study.

Objectives. The article aims to highlight the peculiarities of depressed area formation in the event of crisis and reduction of public support for the development of agriculture.

Methods. For the study, we used case, computational and analytical, abstract-logical, and statistical methods, and a comparative analysis.

Results. The article finds that the migration outflow of the able-bodied part of the rural population and the deterioration of its demographic structure are among the most important factors in the formation of depressed rural municipal areas.

Conclusions. Special sections on transformations in depressed areas should be included in the programmes of economic and social development of the Amur Oblast.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: D'yachenko V.N., Lazareva V.V. Demographic Processes and the Economic Activity of the Population in the Formation of Depressed Areas. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2022, vol. 20, iss. 3, pp. 579–600.

<https://doi.org/10.24891/re.20.3.579>

References

1. Minakir P.A., Naiden S.N. (Eds). *Razvitie ekonomiki Dal'nego Vostoka Rossii: efekty gosudarstvennoi politiki: monografiya* [Development of the economy of the Russian Far East: The effects of the State policy:

- a monograph]. Khabarovsk, ERI FEB RAS Publ., 2021, 208 p.
URL: <http://ecrin.ru/publications/books-2021/1553>
2. Zubarevich N.V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya: monografiya* [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization: a monograph]. Moscow, Independent Institute for Social Policy Publ., 2010, 160 p.
URL: https://gtmarket.ru/files/article/5279/Regions_of_Russia_2010_Natalia_Zubarevich.pdf
 3. Anderson G. Toward an Empirical Analysis of Polarization. *Journal of Econometrics*, 2004, vol. 122, iss. 1, pp. 1–26.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2003.10.017>
 4. Aslaeva S.Sh. [Polarization of homogeneous groups of territorial entities]. *Upravlenie = Management (Russia)*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 5–14. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-5-14>
 5. Nizhegorodtsev R.M. [Polarization of the economic space of Russia and the paradigm of sustainable equilibrium of macrosystems]. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki = Innovative Development of Economy*, 2019, no. 5-2, pp. 7–13. (In Russ.)
URL: http://www.ineconomic.ru/sites//field_print_version/ineconomic-5-53-2.pdf
 6. Gataullin R.F., Aslaeva S.Sh. [Nivelection and polarization in the development of economic space]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2017, no. 9, part 1, pp. 164–168.
URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41722> (In Russ.)
 7. Nefedova T.G. [Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia]. *Krest'yanovedenie = Russian Peasant Studies*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 126–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polyarizatsiya-sotsialno-ekonomicheskogo-prostranstva-i-perspektivy-selskoy-mestnosti-v-staroosvoennyh-regionah-tsentra-rossii> (In Russ.)
 8. Kalugina Z.I., Fadeeva O.P., Bratyushchenko S.V. [Socio-economic polarization of rural areas in Russia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*, 2015, no. 3, pp. 123–145. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.15372/REG20150905>

9. D'yachenko V.N., Burlaev E.A., Lazareva V.V. [Development of territorial asymmetries in the formation of the population of the municipalities of the Amur region]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2017, no. 9, part 2, pp. 371–377. (In Russ.)
10. Leksin V.N., Shvetsov A.N. *Gosudarstvo i regiony: teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya* [The State and regions: Theory and practice of State regulation of territorial development]. Moscow, Librokom Publ., 2012, 368 p.
11. Fokin V.Ya. [Village-forming enterprises' liquidation's influence on depopulation of rural districts]. *Diskussiya = Discussion*, 2017, no. 1, pp. 75–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-likvidatsii-seloobrazuyuschih-predpriyatiy-na-depopulyatsiyu-naseleniya-selskogo-rayona/viewer> (In Russ.)
12. Alekseev A.I. [Man and the nature in the process of non-Chernozem zone rural areas' development]. *Regional'nye issledovaniya = Regional Studies*, 2014, no. 4, pp. 81–87. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/analit01.php> (In Russ.)
13. Chernyshev K.A. [Identification of the depressed regions in modern Russia]. *Regionologiya = Russian Journal of Regional Studies*, 2014, no. 4, pp. 5–13. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1316> (In Russ.)
14. Lazareva V.V., Vlasova N.Yu., D'yachenko V.N. [Uneven spatial development of municipalities in the Far Eastern borderland]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Journal of Ural State University of Economics*, 2019, vol. 20, no. 1, pp. 61–77. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.29141/2073-1019-2019-20-1-5>
15. D'yachenko V.N. [Transformations of agrarian settlements in the Far East region]. *APK: ekonomika, upravlenie = AIC: Economics, Management*, 2019, no. 5, pp. 74–79. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.33305/195-74>
16. D'yachenko V.N., Lazareva V.V., Panova E.A. [Development of informal employment in the region: factors and problems (based on the materials of the Amur region)]. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labor Economics*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 233–248. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.18334/et.8.2.111617>
17. D'yachenko V.N. [Informal employment in human capital transformations in border area with China]. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labor*

Economics, 2018, vol. 5, no. 4, pp. 1073–1088. (In Russ.)

URL: <https://doi.org/10.18334/et.5.4.39470>

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.